

Н. В. Чикина

ОБРАЗНЫЙ МИР В ПОЭЗИИ САНТТУ КАРХУ*

В статье анализируется творчество известного поэта и рок-музыканта С. Карху, пишущего на карельском языке. Цель исследования – выявление особенностей его художественной системы. В ходе работы были поставлены следующие задачи: сформулировать авторскую концепцию поэта, рассмотреть и прокомментировать образы в лирике Карху. Объект исследования – стихи из его первого сборника. Предмет исследования – национальная специфика поэзии Карху, воплощенная в системе образов. В ходе анализа использовались историко-литературный и сравнительно-сопоставительный методы исследования. Научная новизна проявляется в отсутствии пока аналогичных исследований творчества поэта. Системный анализ национальных истоков, эволюция и жанровая специфика литературы на карельском языке с меняющимся художественным сознанием актуальны в эпоху глобальных перемен, когда особенно важно сохранить культурное наследие народа. Индивидуальная судьба поэта обратила его к художественному творчеству, позволила запечатлеть и выразить в слове открывшийся ему мир национальной жизни. В статье отмечены особенности образного мира, языка и культуры карельского народа. В карельской литературе просматривается определенная тенденция в использовании фольклорного наследия. Трансформация народно-поэтических символических образов – едва ли не самая характерная черта фольклоризма современной карельскоязычной поэзии, для которой характерна тенденция отождествлять народно-поэтические символы с образом родного края. В философских стихотворениях Карху все чаще ставятся и уверенно разрешаются проблемы добра и зла, счастья и боли, жизни и смерти. Для него важно сохранить в герое фольклорное начало, ибо в этом видится духовный источник современности.

Ключевые слова: литература Карелии, поэзия, карельский язык, рок-музыка, образ, родной край, фольклорные мотивы, «свое», «чужое», звукоподражание, эмотивная лексика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-248-257

Сантту Карху (псевд.; наст. имя Александр Евгеньевич Медведев) родился в 1967 г. в Беломорске, где окончил среднюю и музыкальную школы. Потом были годы учебы на строительном факультете Петрозаводского госуниверситета, служба в армии, и вновь учеба в университете, но только теперь на филфаке – на отделении финского языка. Именно с этого момента Карху начал думать о создании своей рок-группы.

В 1989 г. Карху основал группу “*Sannttu Karhu & Talvisovat*” («Сантту Карху и Зимние одежды»). Вместе они выпустили компакт-диски “*Pahoin brihoin pajatukset*” («Песни плохих парней», 2001), “*Huvästit Karjala*” («Прощай Карелия», 2003), “*Terveh Petroskoi*” («Здравствуй, Петрозаводск», 2006), “*Allus oli muna*” («Сначала было яйцо», 2009), “*E.L.O.S live in studio*” («Ж.И.З.Н.Б живая в студии», 2009). Карху подготовил диск детских песен “*Kurret*” («Журавли», 2012).

* Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190091-5).

В Карелии, Финляндии и Эстонии Карху знают как известного рок-музыканта, чье творчество занимает особое место в культуре Карелии. В настоящее время он проживает в Петрозаводске. Карху называют первым карельским рок-музыкантом, поэтом – лириком, поющим свои песни на ливвиковском наречии карельского языка. В свое время его желание писать песни по-карельски поддержали известные карельские писатели В. Брендоев и Я. Ругоев.

Род Медведевых происходит из с. Ведлозеро Пряжинского р-на. В Беломорске Александр жил в русской среде, но, приезжая на каникулы в деревню к бабушке Оле, невольно погружался в другую языковую среду. Карельский язык С. Карху выучил в детстве: его бабушка говорила с ним только по-карельски. Именно она привила ему любовь к карельскому языку и духовной культуре народа [Bogdanov 2007, 116]. Заронила в нем искру, которая спустя годы разгорелась.

Свой путь в литературу С. Карху начал в 1980-е гг. участием в работе молодежного литературного объединения “*Tandem*” («Тандем») при журнале “*Punalippu*” («Красное Знамя»), выходящем на финском языке. Он опубликовал в журнале стихи на карельском языке и в 1988 г. стал победителем поэтического конкурса молодых авторов. В 1991 г. в Финляндии вышел учебник “*Äidinkielen käsikirja*” («Справочник родного языка»), в который вошли отрывки из стихотворения С. Карху “*Mustas kois*” («В черном доме») как примеры ливвиковского наречия карельского языка.

Работая журналистом в газете “*Oma Maa*” («Родная Земля»), он писал правдивые и острые заметки. Стихи Карху публиковались на страницах карелоязычных изданий: газеты «Родная Земля» и альманаха “*Taival*” («Путь»); в коллективных сборниках и антологиях “*Sano, tuuli*” («Скажи, ветер», Хельсинки, 2002), “*Väinämöisen paluu*” («Возвращение Вяйнэмейнена», Петрозаводск, 2002), “*Kuum öö*” («Горячая ночь», Таллин, 2006), “*Kumalikko*” («Кумаликко», Петрозаводск, 2014), «Современная литература народов России. Поэзия» (Москва, 2017). Стихи Карху переведены на русский, финский и эстонский языки.

Первый поэтический сборник, содержащий 32 стихотворения с переводом на финский язык, был опубликован в Финляндии в 2012 г. под названием “*Huvästit Karjala, terveh Petroskoi*” («Прощай Карелия, здравствуй Петрозаводск»). В 2013 году Карху перевел на карельский язык пьесу финского драматурга Пентти Саарикоски “*Kuikan peldo*” («Гагарье поле») и получил почетный приз Общества «Калевалы» (Финляндия).

Поэзия Карху близка родной земле, карельскому народу и языку. В его произведениях чувствуется негативное отношение к тем, кто забыл свой родной язык и традиции; поднимаются проблемы пьянства и этнической терпимости. Характеризуя Карху как человека, О. Огнева и Н. Синицкая отмечали такое его качество, как прямота. Он такой «головешка черта» [Ogneva 2017, 5], судьба которого описана в одноименном стихотворении “*Kehnon kegälehen oza*”.

Его лирика пронизана хорошим знанием и пониманием устной народной традиции как основной составляющей его творчества. Карху опирается на глубокие познания о человеке и на размышления о жизни, порой – пессимистические. О главном своем предназначении Карху говорит так: «Мое песенное творчество на ливвиковском языке – это протест. Я не верю, что мои песни могут спасти язык, но верю, что через них молодые карелы познакомятся с ливвиковским языком» [Ogneva 2017, 5].

Эта тенденция будет прослеживаться и в произведениях писателей XXI в. Писатели-ливвики всегда будут отмечать, что их герои говорят не по-карельски, а по-ливвиковски, таким образом проявляя свою самоидентификацию [Чикина 2016, 75].

Свой родной язык (наречие) они сохраняют более сознательно. Нельзя не согласиться с высказыванием В. Огрызко, о том, что «язык и литературу развивают все-таки не лингвисты, а писатели» [Огрызко 2003, 307].

Карху не считает себя поэтом, он просто пишет тексты для песен, однако очень содержательные и образные. Своеобразие их национального колорита заметно в поэтических приемах: оригинальные выражения, привлечение необычных сравнений и эпитетов, своеобразной поэтической лексики – все это придает лирике карельского поэта национально-художественный характер.

К.К. Султанов отмечал: «Опыт каждой национальной литературы, проходящей свой путь от Дома к Миру, позволяет выделить типологически значимую тенденцию: интенсивность процесса национальной и личностной самоидентификации активизирует потребность вхождения в расширяющийся контекст межкультурного диалога» [Султанов 2007, 4].

Первый сборник стихов Карху, вышедший в России, “*Olen vieras teijän čomas muailmas*” («Я чужой в вашем красивом мире», 2017) содержал стихи и песни разных лет. Уже название сборника позволяет судить о самоопределении поэта: он чужой в нашем красивом мире, о чем и пишет в стихотворении “*Olen vieras*” («Я чужой»):

<i>Olen vieras teijän čomas muailmas...</i>	Я чужой в вашем красивом мире...
<i>Olen mustuvalgei.</i>	Я черно-белый.
<i>Minun iäni on kähei...</i> [Karhu 2017, 52].	Мой голос хриплый...*

Образ заброшенности, неприкаянности продолжается в стихотворении “*Airotoi veneh*” («Лодка без весел»):

<i>Olet ymbäri kui vanneh ruostunuh,</i>	Ты вокруг как обруч заржавела,
<i>Hobjaine ukonkuari luhtah uponnuh.</i>	Серебряная радуга в луже утонула.
<i>Olet virduaju oja, kudai kuivattih,</i>	Ты текущий ручеек, который осушили,
<i>Olet aigu, mi kampih pandih...</i>	Ты время, которому подножку подставили.

[Karhu 2017, 11].

А. Ф. Кофман отмечал, что «художественный образ «своего» пространства, каким он складывается в искусстве и литературе тех или иных народов, является важнейшей частью национальных или региональных литератур» [Кофман 1997, 25]. Образ «своего» пространства находит воплощение в лирике Карху, реализуясь через категорию родины, имеющей богатую семантику.

В стихотворении “*Syvysharmavus*” («Седина осени») С. Карху к необычным образам в своей поэзии добавляет цветописание и особые синтаксические конструкции, усиливая тем самым воздействие на читателя. Практически каждая строка стихотворения несет свой образ:

<i>Syvysharmavus, jovvuin sygyzyn</i>	Осенняя седина, попала осенью
<i>Harmuah katiskah...</i>	В серую ловушку для рыбы ...
<i>On jo itkietty äijy nedälii.</i>	Уже плачет много недель.
<i>Mua joihes jo taivahan kyynälii,</i>	Земля уже в небесных слезах,
<i>Iä-päiväine uppoi jo pilvien mereh,</i>	Отец-солнышко утонул уже в море туч,
<i>Konzu suannou uvvessah sanou sille terveh.</i>	Когда получится снова сказать тебе «Здравствуй»...
<i>Tuulen viheldys</i>	Свист ветра
<i>linnan kouhkot jo täytti dai alevui.</i>	легкие города уже наполнил и стих.
<i>Linnan harmavus savuu hengitti</i>	Седина города дымом дышала
<i>Jälles kui kyllys juobui.</i>	Как после бани поила.
<i>Mustis mustin pilvi vihman tänne toi,</i>	В черном черная туча дождь сюда принесла,
<i>Tusku igävin jo ammui linnan söi...</i>	Тоска скукой уже давно город съела...
<i>Jo ryydelöy talvi kyynälien hoikal jääl,</i>	Уже бредет зима по тонкому льду из слез,
<i>A gu nouzou dai levittäy siivet vezizet piäl.</i>	А как поднимется и расправит крылья над водой.
<i>Taivas hoi,</i>	Небо, эй,
<i>Voitgo piästiä omas harmuas yskäspäi.</i>	Можешь ли ты выпустить из своих серых рук.
<i>Mua hoi,</i>	Земля, эй,
<i>Ota pojindim, ku pojil on yksikai.</i>	Возьми пасынков, словно сыновей.
<i>Myö olemmo kielahan syvysaijan lapset kai:</i>	Мы все дети лживого осеннего времени:

* Здесь и далее без дополнительного указания подстрочный перевод наш. – Н. Ч.

*Yksi ruskei, toine valgei, kolmas harmai.
On jo vihtunuh taivahan kuynälii...*

[Karhu 2017, 12–13]

Один красный, второй белый, третий серый.
Уже льются слезы неба...

А.А. Клементьев писал: «Поэтический текст является носителем информации о национальном и индивидуально-авторском мировидении, он воплощает в себе картину мира, ментальные особенности, систему ценностей того или иного этноса, транслирует человечеству его уникальность и самобытность» [Клементьев 2017, 60].

Город, солнце, небо, земля, ветер, зима и осень представлены живыми существами, которые дышат, идут, плачут и обладают другими качествами, свойственными человеку. Как и для любого карела, природа для Карху живая. Осень представлена мрачными тонами – серым, черным, наводящими тоску и скуку, лишь изредка появляются красный и белый цвета.

Образный мир поэта – «средство смысловой коммуникации в рамках данной культуры или родственных культур» [ЛЭТ 2001, 670]. Карху свойственно использовать одну часть речи: глагол, приводящий все в движение, чем достигается быстрая смена картины. Например, легкие наполнил, седина дышала, туча принесла, тоска съела, слезы льются и др. Существительное же, напротив, замедляет действие. Особенно хорошо это подчеркивается в начале стихотворения.

Карху часто использует в поэзии синтаксические конструкции, характеризующиеся экспрессивно-эмоциональной окрашенностью: основная функция их – эмоциональная реакция адресата в отношении действительности. Данные синтаксические единицы – коммуникемы – чаще всего используются в разговорной речи, как спонтанная реакция на какое-либо явление, высказывание и др. Коммуникемы могут выражать и отрицательную оценку (гнев, страх, печаль), и положительную (радость, восторг, удивление...).

Н. И. Гуляева отмечала, «что эмоциональный компонент, экспрессивность <...> обуславливают воздействие на адресата с целью добиться от него необходимой, требуемой реакции. Вследствие этого данные синтаксические построения являются неотъемлемыми средствами эффективной коммуникации» [Гуляева 2017, 108].

Чаще всего в художественной литературе для передачи эмоционального состояния героя используют междометия и звукоподражательные слова. Карху в его творчестве удается передать не только эмоциональное состояние лирического героя, но и национальную стихию – с помощью междометий и «звукоподражания»: *hoi* (эй), *a-voi-voi* (ой-ёй-ёй), *oi* (ой), *voi* (ох); а порой даже сочетанием нескольких междометий: *hoi oi oi oi voi*. В его поэзии звон конской упряжи передан звуками “*hei, hei, hei, hei*” («хэй, хэй, хэй, хэй») и “*hai, hai, hai, hai*” («хай, хай, хай, хай»), чириканье птицы – “*čibi-čibi*” («чиби-чиби»).

Известно, что звукоподражание – один из способов усиления выразительности и образности художественной речи. Е. В. Вагнер отмечала: «Использование фоники в художественном тексте служит не только для живописного наполнения текста, но и для развития образного мышления читателя» [Вагнер 2017, 33].

Карху часто употребляет грамматические формы не в прямом их назначении. Например, глаголы повелительного наклонения не в повелительном значении – *musta* (помни), *ota* (возьми), вопросительные глаголы без вопросительного значения – *vuottaugo* (дождешься ли), *voitgo* (можешь ли) и др. Они не побуждают к действию, не требуют ответа, но придают высказыванию оттенок разговора.

Фольклорными мотивами пронизано стихотворение “*Omien aigoin legendat*” («Легенды нашего времени»), главный смысл которого вытекает из названия: у каждого времени свои легенды. Зачин стихотворения:

*Se oli silloi, konzu sogei ei kehtannuh nähtä.
Se oli silloi, konzu kuurnis ei kehtannuh kuulta.
Sanottih kuurnehel – kai muuttuu parembakse,
Huondeksel peze korvat puhtahakse... [Karhu 2017, 14].*

Это было тогда. Когда слепой не хотел видеть.
Это было тогда, когда глухой не хотел слышать.
Говорили глухому – все изменится к лучшему,
Утром мой уши чисто...

Пока «господа» делят золото и серебро земли, простому народу ничего не остается, как работать и жить в нищете. Завершает стихотворение Карху кратко: “*Omien aigoin legendat elävät...*” («Легенды своего времени живые...»). Здесь поэт выступает с критикой власти.

Карху удается совместить в стихах проблемы современного общества и фольклор. Один из таких аспектов – миграция населения – отражен в стихотворении “*Bazaril käydy*” («На базар идет»). Эффект воздействия на читателя – в противопоставлении черного и белого цветов, как образов «чужого» и «своего», часто используемом в фольклоре и в литературе. В образе «чужих» выступают торговцы с рынка (без указания национальности). Поэт пишет о них как о «черных» людях. Противопоставлены им «белые» люди – местные жители.

На протяжении всего произведения поэт задается вопросом: что привело на север этих людей? Какая неведомая сила?

<i>Hoi, kehного mustan miehen toi</i>	Эй, черт черного человека принес
<i>Ruatuttamah bazariloil valgieloi?</i>	Работать на базары белые?..
<i>Mustu on valgien talois iżändöimäs nygöi...</i>	Черное хозяйничает в белых домах сейчас...
<i>Kehного mustan tänne pohjaizeh toi?..</i>	Черт черное сюда на север принес?

[Karhu 2017, 21].

Поэт удивляется: видимо, «белый» был бестолковый и продался в пьяном угаре. Отдав власть «черному», жизнь свою ухудшил.

Обращает на себя внимание употребление слова «черт» в поэзии Карху. У карелов есть три слова, обозначающих черта: *karu* (кару), *kehno* (кехно), *lemboi* (лембой). В большом русско-карельском словаре ливвиковского наречия (Петрозаводск, 2016) слово черт обозначено двумя лексемами: *lemboi* и *karu*; обе ассоциируются с чертом и дьяволом. Поскольку это слово однокоренное с *lembi* (лемби), можно предположить, что этот образ связан с любовной магией. *Karu* – злой дух, имеющий негативную окраску. Кару и лембой имеют глубокую мифологическую основу. Оба образа архаичны и мало изучены; часто ассоциируются с лесом. Так, кару могли называть злого хозяина леса Хийси.

В большом карельско-русском словаре ливвиковского наречия (Петрозаводск, 2016) Т. П. Бойко указывает все три лексемы, обозначающие черта *karu* (черт, бес), *kehno* (черт, нечистая сила), *lemboi* (дьявол, черт). Как видим, все три слова обозначают черта, но при этом каждое имеет особый оттенок, показывающий различие в восприятии образа.

В словаре карельского языка (ливвиковское наречие) Г. Н. Макарова (Петрозаводск, 1990) *kehno* (черт, дьявол) обозначен как бранное слово, а *karu* (черт, леший). Так же Макаров приводит лексемы *lemboi* и *čortu* в значении бранных слов: черт знает! Чем черт не шутит!

Карху использует слова *kehno* и *lemboi*, в первую очередь, как бранные слова, но нельзя опускать и мифологическое их значение.

Главная творческая идея поэта совпадает с тенденциями русской литературы последнего десятилетия, где «герой времени стал восприниматься как двойник автора, оскорбленного временем в своем стремлении к добру и гармонии, погибающего в бездуховности» [Буслакова 2008, 31]. Новаторство Карху состоит в том, что он реалистически изображает качества людей – своих современников.

По тексту “*Kalas olles*” («На рыбалке») рассыпано немало фольклорно-мифологических реалий и связанных с ними поверий о хозяевах леса и воды. Неправильное поведение в лесу и на воде, нарушение запретов приводит к тому, что водяной рассорил рыбаков до драки и один из них утонул, а леший утащил все деревенское стадо коров в лес. При обозначении

водяного Карху использует ругательство черт (*kehno*), а лешего обозначает словом *lemboi*, тем самым четко разделяя эти понятия.

По мнению Карху, «мы, карелы, как будто потерялись и “суп без ложки хлебаем”. Когда-то, – говорит Карху, – у карелов была сильная собственная земля, от которой теперь осталось только название» [Ogneva 2017, 5]. Тем более интересен образ родины, представленный в стихотворении “*Vajočču suo*” («Вязкое болото»):

<i>Terveh, synnyinmaa,</i>	Здравствуй, родина,
<i>Sinä kiškoit minul kaiken,</i>	Ты обобрала меня всего,
<i>Sinä olet nygöi kui se kudžoimätäs</i>	Ты сейчас как муравейник:
<i>Ylähän huruat – alahan oigiet...</i>	Сверху левые – снизу правые...
<i>Elos on kui vajočču suo...</i> [Karhu 2017, 40].	Жизнь как вязкое болото...

В стихотворении “*Rokkua luzikattah*” («Суп без ложки») поэт подчеркивает: “*Olis minul ozaine, sit elos olis tazaine <...> / Omat vai nagretah, vierahat soimatah*” («Была бы у меня долюшка, тогда жизнь была бы ровная <...> / Свои только смеются, чужие упрекают»).

Проблемы современности отражены в стихотворениях “*Eigo ole huigei*” («Не стыдно»), “*Magieh join*” («Сладко пил»), в которых так же, как и в других, Карху использует метод повтора, воспроизводит не только песенный рефрен фольклора, но и ритмику природы. В данном случае в стихотворении «Сладко пил» это – покачивания пьяного человека. Передача такой специфической особенности требует не только сохранения ритма, но и длины стихотворных строк, чтобы повторяющаяся строка напоминала эхо.

В стихотворении “*Mustas kois*” («В черном доме») Карху поднимает проблему карельского языка. Оно начинается строками: “*Minun mustas kois tuohus pieni kydöy, / minun umbäri pimevys verkoloi kudou...*” («В моем черном доме свеча маленькая тлеет, / вокруг меня темнота сети плетет...»). Образные выражения продолжают и далее. По мнению Карху, «нашему языку гроб приготовлен уже давно». Поэт нигде не упоминает карельский язык, но понимание, что речь идет именно о нем, вытекает само по себе. Карху подчеркивает, что дети язык забывают, но есть еще люди, которые могут его передать им, однако их мало.

По мнению К. Салламаа [Sallamaa 2005, 193–194], в лирике С. Карху сильный критический аспект. Пример тому – стихотворение “*Keldaine kuu*” («Желтая луна»): “*Yksinäzen hongan juures / On pienen rahvahan luut*” («Меж корней, в скалу вонзенных одинокою сосною, как луна желтеют кости прежде жившего народа»; пер. с карел. А. Воронина). Эти строки перекликаются с «Калевалой»: в руне «Мечь Куллерво» читаем о том, что сгорело все, только «камни очагов остались да высокая рябина».

Фольклорные мотивы развиваются и в стихотворении “*Regipajo*” («Песня в санях»), изобилующем образами, эпитетами и сравнениями. Лирический герой запрягает огненного коня и едет к любимой по морозному снежному лесу, который отзывается трубой. Обряд сватовства завершается словами:

<i>A gu minulle mučoiakse tullet</i>	А когда мне женою станешь
<i>Valgiekse vastinehekse,</i>	белой суженой,
<i>Kučun kanaizekse kuldaizekse,</i>	Назову золотой курочкой,
<i>Yskäs kerras jo miehoilah tuon</i>	На руках уже в дом к мужу отнесу.

[Karhu 2017, 18].

На детскую аудиторию рассчитаны и положенные на музыку такие стихи С. Карху, как “*Čibi-čibi linduine*” («Чив-чив птичка»), “*Uvven vuvven pajo*” («Новогодняя песня») и колыбельная “*Magua pikkarazeni*” («Спи, моя маленькая»).

Рифму в стихотворении «Чив-чив птичка» рождают уменьшительно-ласкательный суффикс *-ine*, а также окончания *-eh*, *-s*.

<i>Čibi-čibi linduine</i>	Чив-чив птичка
<i>Čibi korgei kandaine</i>	Чив высокая шляпка
<i>Madalaine jalgaine</i>	Низкая ножка
<i>Čibi ruskei händaine</i> ... [Karhu 2017, 19].	Чив красный хвостик...

Суффиксы субъективной оценки встречается и в других произведениях поэта. По мнению С. Н. Широковой, использование морфологических средств выразительности «нацелено на усиление образности и изобразительности текста, на актуализацию каких-либо действий, событий в прошлом и настоящем, подчеркивает значимость действий или его субъекта (лица); выражает авторскую оценку и чувства (положительные или отрицательные); создает речевые характеристики героев в той или иной стилистической тональности текста; индивидуализирует или, наоборот, обобщает, типизирует сообщаемое» [Широкова 2017, 114].

«Спи, моя маленькая» представляет собой литературную колыбельную, сохраняющую элементы фольклора. Так, сон приходит в колыбель к ребенку и усыпляет девочку. Поэт не называет ее имени, а просто обращается к ней: моя маленькая, моя маленькая принцесса, маленькая льняная голова. Можно предположить, что прототипом героини колыбельной стала светловолосая дочь Карху Анастасия, и песня посвящена именно ей. Поэт отходит от фольклорной традиции, за скорое засыпание дочери не обещая ей никакой награды, как это принято в народных колыбельных. Интересны также образы свечи и луны, включенные в повествование:

*Valuu alah tuohus meren vaahten valgevus,
Kuudamazen kačautus on lohen jytys ruskevus* [Karhu 2017, 22].

Белизной пены моря стекает вниз свеча,
Взгляд луны подобен красноте лосося...

«Новогодняя песня» также изобилует эпитетами:

<i>Jo valgei lumi peitti muan, Levitti pellol paltinan. Jo vaihtoi turkin pordimoi Dai lapsil iloviestin toi</i> ... [Karhu 2017, 62].	Уже белый снег покрыл землю, Накрыл поле полотном. Уже сменил шубу горностаи И детям радостную весть принес...
--	---

В стихотворении “*Sildaine on kaidaine*” («Мост узкий») у ребенка уши листовенные, а глаза – семена льна.

В форме народной потешки написано стихотворение “*Lähti mučoi tänä huondes*” («Отправилась жена этим утром»):

<i>Otti kullat kulmilleh Sinilangat silmilleh Hyväččäizet hobjat vyöle Vieri mualoil vierahil</i> [Karhu 2017, 24].	Взяла золото на брови, Синие нитки на глаза, Хорошее серебро на пояс. Пошла в чужие земли.
---	---

Однако путешествие женщины в другую страну привело к неудаче: она потеряла там свою красоту, богатство и осталась там плакать. В стихотворении подчеркиваются жизнерадостный, оптимистический характер поэта и его духовное родство с устным народным творчеством.

Любовная лирика продолжается в стихотворении “*Huondeskajokes ildassah*” («С безоблачного утра до вечера»):

<i>Kelle nygöi muhizet helläh? Kenen venehen tel' al Istut airolis? Etbo tijä, kunne sovvat</i> ... [Karhu 2017, 58].	Кому сейчас улыбаешься нежно? В чьей лодке на сиденье сидишь за веслами? Не знаешь, куда грести...
---	---

Очень часто в образах Карху используются названия металлов (олово, медь, золото, серебро): оловянные листья, медные веточки, золотые перья.

Обращение к ветру содержится в стихотворении “*Sano, tuuli*” («Скажи, ветер»). Заговор в бане после рождения ребенка приводится в стихотворении “*Nogehizes kylys*” («В бане почерному»)

Во многих произведениях мы встречаем фольклорных персонажей: морозец – сын ветра, Тухкимус (стихотворение “*Akkaine-pakkaine*” («Бабушка морозец»)), героев эпоса «Калевала» Вяйнямейнена, Илмаринена и Лемминкяйнена (стихотворение “*Izo seppy Ilmalline*” («Большой кузнец Илмаринен»)).

Претворяя повествование об Илмаринене, Карху кратко рассказывает историю жизни и расселения народа, начиная с древнейших времен: карелы расселились «кто-то в глуши Беломорской Карелии, кто-то на Олонецкой равнине, кто-то на берегах моря, кто-то в сердце России на Тверской земле. С собой они взяли своих богов, Вяйнямейнена, кузнеца Илмаринена и охотника Лемминкяйнена» [Karhu 2017, 29].

В названии стихотворения “*Hyllätty ei ole hullattu*” («Брошены, не парализованы») использована игра слов.

В стихотворение “*Kehnon kegälehen oza*” («Судьба головешки черта») включена пословица: “*Parempi pyu käis, gu kaksi oksal*” («Лучше рябчик в руках, чем два на ветке») как аналог русской пословице «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Поэт подчеркивает, что у молодого мужчины доля лучше (стихотворение “*Mies tutah tulendas*” («Человек узнал прошлого»)).

Поэтическое творчество Карху тесно связано с фольклором, что проявляется в образах. Красочность рисунка создается использованием средств выразительности: насыщением междометиями, употреблением каких-либо грамматических форм не в их прямом назначении, а также слов одной части речи; использованием суффиксов.

Поэзия Карху – это отличная иллюстрация сочетания традиций и новаторства. Если учесть, что большинство ее положено на музыку и звучит со сцены, то круг «читателей» Карху значительно расширяется. Сама личность поэта и музыканта – пример для людей, выросших вне родной языковой среды, но выучивших язык, впитавших культуру предков и передающих ее новому поколению.

Несмотря на то, что Карху чувствует себя «чужим» в современном мире, ему небезразлична судьба своего народа. В его поэзии затрагиваются актуальные проблемы окружающей действительности (миграция, власть, утрата родного языка). Ему удалось найти свое место в жизни. Творчество Карху можно сравнить с творчеством финляндского рок-музыканта и автора песен Исмо Аланко, рок-лирика которого так же самобытна, а патриотичные стихи богаты образами, взятыми из финской мифологии и литературы [Soini 2019, 11].

ЛИТЕРАТУРА

Буслакова Т. П. Современная русская литература: тенденции последнего десятилетия. М.: Высш. шк., 2008. 126 с.

Вагнер Е. В. Образная символика звукописи в произведении О. Уляшева «Пан туй» // Пермистика – 16. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. ст. Сыктывкар, 2017. С. 33–38.

Гуляева Н. И. Эмоционально-оценочные коммуникемы в коми языке // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия: сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (9–13 окт. 2017 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2017. С. 106–109.

Клементьев А. А. Образный мир пермской межлитературной общности // Компаративистика в изучении словесной культуры народов Урало-Поволжья. Ижевск, 2017. С. 53–60.

Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Специализир. изд.-торг. предприятие «Наследие», 1997. 318 с.

- ЛЭТ* – Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.
- Огрызко В.* Заметки пессимиста // Ненецкая литература. М., 2003. С. 304–310.
- Султанов К. К.* От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 301 с.
- Чикина Н. В.* Проблемы карелоязычной литературы и творчество Владимира Брендоева: в 2 ч. Ч. 1. Петрозаводск: ПетрГУ, 2016. 102 с.
- Широбокова С. Н.* О некоторых морфологических средствах выразительности в удмуртском языке // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия: сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (9–13 окт. 2017 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2017. С. 112–116.
- Bogdanov J.* Santtu Karhu, runoa todellisuuden, absurdiuden ja idyllin rajamailta // Carelia. 2007. № 11. S. 113–119.
- Karhu S.* Olen vieras teijän čomas muailmas. Petroskoi: Periodika, 2017. 62 s.
- Ogneva O., Sinitskaja N.* Algusanat // Karhu S. Olen vieras teijän čomas muailmas. Petroskoi, 2017. S. 3–5.
- Sallamaa K.* Poetry as Creator of an Ethnofuturistic Consciousness // Summariacroasium in sectionibus. Pars III. Folkloristica & Ethnologia. Litteratura. Archaeologia & Anthropologia & Ethnic Historia. Joshkar-Ola, 2005. S. 193–194.
- Soini H.* Ismo Alanko päivänpolttava ja sentimentaalinen // Karjalan Sanomat. 2019. 10. tammik. S. 11.

Поступила в редакцию 11.02.2019

Чикина Наталья Валерьевна

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Карельский научный центр РАН
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
e-mail: tchikina@krc.karelia.ru

N. V. Chikina

The world of images in Santtu Karhu's poetry

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-248-257

The paper analyzes the works of a well-known poet and rock musician S. Karhu, who writes in the Karelian language. The aim of the study is to highlight the author's artistic system of images. The following tasks were set for the study: to formulate the poet's original concept, to scrutinize and comment on the images in Karhu's lyrics. The object is verses from the first and so far only volume. The subject of the study is the specific ethnic traits of Karhu's poetry, as seen in the system of images. Literary-historical and comparative methods were used in the analysis. The scientific novelty is in the absence of similar studies on the poet's works. Systemic analysis of the ethnic sources, the evolution and genre choices of the Karelian language literature associated with the changing artistic consciousness are coming to the foreground in this time of global change, when preserving the people's cultural heritage is especially important. The poet's personal background has brought him into the sphere of artistic creativity, enabled him to verbalize the world of ethnic life that had been opened up to him. The article points out some specific features of the world of images, language and culture of the Karelian people. Karelian literature shows a tendency to use folklore heritage. The transformation of folk poetic symbolic images is arguably the most characteristic trait of folklorism in contemporary Karelian-language poetry, where folk poetry symbols tend to be equated with the image of the native land. Karhu's philosophical verses increasingly pose and confidently resolve the questions of good and evil, happiness and pain, life and death. It is essential for him that the character retains the folklore origins, for he deems it to be the spiritual source of modernity.

Keywords: literature of Karelia, poetry, Karelian language, rock music, image, native land, folklore motifs, 'own', 'other', onomatopoeia, emotive vocabulary.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 2, pp. 248–257. In Russian.

REFERENCES

- Buslakova T. P.** *Sovremennaya russkaya literatura: tendentsii poslednego desyatiletiya* [Modern Russian literature: trends of the past decade]. Moscow, Vyssh. shk., 2008. 126 p. In Russian.
- Chikina N. V.** *Problemy kareloyazychnoi literatury i tvorchestvo Vladimira Brendoeva: v 2 pt. Pt. 1* [The Karelian-language literature and the works of Vladimir Brendoev]. Petrozavodsk, PetrGU, 2016. 102 p. In Russian.
- Gulyaeva N. I.** Emotsional'no-otsenochnye kommunikemy v komi yazyke [Emotional judgment utterances in the Komi language]. *Filologicheskie issledovaniya – 2017. Fol'klor, literatury i yazyki narodov evropeiskoi chasti Rossii: formy, modeli, mekhanizmy vzaimodeistviya: sb. st. po itogam Vseros. nauch. konf. (9–13 okt. 2017 g., Syktyvkar)* [Philological Studies – 2017. Folklore, Literatures and Languages of the Peoples of European Russia: Forms, Models, Mechanisms of Interactions: volume of articles based on Russian Scientific Conference (Oct. 9–13, 2017, Syktyvkar)]. Syktyvkar, 2017, pp. 106–109. In Russian.
- Klement'ev A. A.** Obraznyi mir permskoi mezhliteraturnoi obshchnosti [The world of images of the Perm cross-literature commonality]. *Komparativistika v izuchenii slovesnoi kul'tury narodov Uralo-Povolzh'ya* [Comparativistics in the Study of the Verbal Culture of Ural-Volga Peoples]. Izhevsk, 2017. Pp. 53–60. In Russian.
- Kofman A. F.** *Latinoamerikanskii hudozhestvennyi obraz mira* [The Latin American artistic world image]. Moscow, Spetsializ. izd.-torgovoie predpriiatie “Nasledije”, 1997. 318 p. In Russian.
- LET** – *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, NPK “Intelvak”, 2003. 1600 stb.
- Ogryzko V.** Zametki pessimista [Pessimist's notes]. *Nenetskaya literatura* [Nenets Literature]. Moscow, 2003. Pp. 304–310. In Russian.
- Shirobokova S. N.** O nekotorykh morfologicheskikh sredstvakh vyrazitel'nosti v udmurtskom yazyke [Some morphological expressive means in the Udmurt language]. *Filologicheskie issledovaniya – 2017. Fol'klor, literatury i yazyki narodov evropeiskoi chasti Rossii: formy, modeli, mekhanizmy vzaimodeistviya: sb. st. po itogam Vseros. nauch. konf. (9–13 okt. 2017 g., Syktyvkar)*. [Philological Studies – 2017. Folklore, Literatures and Languages of the Peoples of European Russia: Forms, Models, Mechanisms of Interactions: volume of articles based on Russian Scientific Conference (Oct. 9–13, 2017, Syktyvkar)]. Syktyvkar, 2017. Pp. 112–116. In Russian.
- Sultanov K. K.** *Ot Doma k Miru: etnonatsional'naya identichnost' v literature i mezhkul'turnyi dialog* [From Home to the World: ethno-national identity in the literature and the cross-cultural dialogue]. Moscow, Nauka, 2007. 301 p.
- Wagner E. V.** Obraznaya simvolika zvukopisi v proizvedenii O. Ulyasheva “Pan tui” [The image symbolism of tone painting in O. Ulyashev's “Pan tuy”]. *Permistika – 16. Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeistvii s drugimi yazykami: sb. nauch. st.* [Permistics – 16. Dialects and History of Permian Languages in Their Engagement with Other Languages]. Syktyvkar, 2017. Pp. 33–38. In Russian.
- Bogdanov J.** Santtu Karhu, runoa todellisuuden, absurdiuden ja idyllin rajamailta. *Carelia*, 2007, no 11, pp. 113–119. In Finnish.
- Karhu S.** *Olen vieras teijän čomas muailmas*. Petroskoi: Periodika, 2017. 62 p. In Karelian.
- Ogneva O., Sinitskaya N.** Algusanat. In: Karhu S. *Olen vieras teijän čomas muailmas*. Petroskoi: Periodika, 2017. Pp. 3–5. In Karelian.
- Sallamaa K.** Poetry as Creator of an Ethnofuturistic Consciousness. *Summaria acroasium in sectionibus. Pars III. Folkloristica & Ethnologia. Litteratura. Archaeologia & Anthropologia & Ethnic Historia*. Joshkar-Ola, 2005. Pp. 193–194. In Finnish.
- Soini H.** Ismo Alanko päivänpolttava ja sentimentaalinen. *Karjalan Sanomat*, 2019, 10. tammik., pp. 11. In Finnish.

Received 11.02.2019

Chikina Natalia Valerievna,
 Candidate of Science (Philology), Research Associate,
 Karelian Research Centre RAS
 11, ul. Pushkinskaya, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
 e-mail: tchikina@krc.karelia.ru